

Ю. И. Литвиновская

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

Yu. I. Litvinovskaya

Belarusian State University of Informatics
and Radioelectronics, Minsk

УДК 93/94

ЭРФУРТСКАЯ ВСТРЕЧА ИМПЕРАТОРОВ

ERFURT MEETING OF THE EMPERORS

В статье представлен процесс налаживания русско-французских отношений после относительно продолжительного периода противостояния в рамках крупнейшего конфликта эпохи – вначале борьбы с революционной, а затем наполеоновской Францией. Подписание 7 июля 1807 г. Тильзитских соглашений открывало новую страницу в отношениях двух стран. Россия признавала все французские завоевания в Европе, а Наполеона императором, вступала в союз с Францией и присоединялась к континентальной блокаде.

Ключевые слова: Эрфурт; обсуждение; императоры; Австрия; война.

The article presents the process of establishing Russian-French relations after a relatively long period of confrontation within the largest conflict of the era – first the struggle with revolutionary and then Napoleonic France. The signing of the Tilsit Agreements on July 7, 1807 opened a new page in the relations between the two countries. Russia recognized all French conquests in Europe and Napoleon as emperor, entered into an alliance with France and joined the continental blockade.

Keywords: Erfurt; discussion; emperors; Austria; war.

Тильзитские соглашения между Россией и Францией открывали принципиально новую страницу в европейской истории нового времени. На континенте оставались только две великие державы которые могли принимать судьбоносные решения в жизни Европы. В силу этого между ними периодически мог возникать вопрос взаимного доверия и необходимости согласования позиций. По замыслу императоров этому должны были способствовать периодические встречи монархов. Первую из них Наполеон и Александр I условились провести в городе Эрфурт в Тюрингии. Период между подписанием тильзитских документов (июль 1807 г.) и встречей в Эрфурте (сентябрь 1807 г.) был непродолжительным по времени, но непростым по сути (простых вопросов в отношениях России с наполеоновской Францией никогда не было) и насыщен таким множеством событий, которые позволяют сделать вывод о том, что каждая из сторон стремилась максимально использовать открывшееся в Тильзите окно возможностей.

Центральным событием 1808 г. в русско-французских отношениях была встреча двух императоров в Эрфурте. Заинтересованность в ее проведении была у каждой из сторон. За непродолжительное время, истекшее после

Тильзита, между союзниками обнаружилось достаточное количество разногласий. Каждая из империй стремилась опереться на Тильзитский союз для выгодного решения собственных внешнеполитических проблем. Император французов в условиях нарастающего в Европе недовольства его политической намеревался продемонстрировать Англии и Австрии прочность союза с Россией. Не менее весомые аргументы для встречи были и у Александра I. Важнейшие среди них: добиться согласия Наполеона на закрепление территориальных приобретений в войне с Турцией и не допустить войны между Австрией и Францией. Австрия усилено вооружалась и активно готовилась к войне. Понимая неизбежность ее разгрома в этом противостоянии Александр I стремился не допустить фатального развития событий для своего друга, австрийского императора.

Идея встречи двух императоров исходила от Наполеона, который в письме Александру I от 21 января (2 февраля) 1808 г. написал: «...взаимная выгода обоих наших государств должна быть рассчитана и взвешена. Это может состояться только при свидании с вашим в-вом...» [1, с. 457].

Поднятые в письме Наполеона вопросы, прежде всего «восточный», были весьма интересны для России, и Александр I поручил министру иностранных дел графу Н. П. Румянцеву заняться их изучением и вступить в переговоры с французским послом в Петербурге А. О. де Коленкур. Точка зрения царя была изложена в составленной Румянцевым записке «Общий взгляд на Турцию», которая и была вручена французскому послу [2, с. 45].

Ключевым положением документа было обладание Россией черноморскими проливами. Александр I связал свою поездку в Эрфурт с достижением согласия по этому вопросу. Переговоры с Коленкуром шли длительный период времени, вплоть до марта 1808 г., и ни к какому положительному результату не привели. В отличие от дружеских разговоров между императорами в Тильзите, к которым часто апеллировал Александр I, потому что высказываемые Наполеоном мысли ему очень импонировали, в других обстоятельствах, когда вопрос касался реальной политики, суждения Наполеона носили уже другой, порой полностью противоположный смысл. Так было и с крайне болезненным для России вопросом завладения берегами черноморских проливов. В секретной инструкции направляющемуся в Петербург французскому послу Арману де Коленкуру говорилось: «Император очень далек от мысли о разделе Турецкой империи и считает эту меру пагубной, но не желает, чтобы вы при объяснении с русским императором и его министром безусловно отвергали ее, и вам предписывается всеми силами доказывать мотивы, по которым необходимо отсрочить время приведения ее в исполнение» [3, с. 560]. Главная причина всех проволочек заключалась в том, что Стамбул все более и более сближался с Францией. Как писал великий князь Николай Михайлович: «Турки были единственным

барьером, противостоящим огромному увеличению этой и без того безграничной империи (Российской империи. – Ю. Л.)» [4, с. 7, 13, 24].

Уступая России Босфор, Наполеон стремился закрепить за Францией Дарданеллы. Для России это не являлось решением «восточного вопроса». Взаимное недоверие между Александром I и Наполеоном сделало достижение соглашения между ними невозможным [2, с. 48, 51].

Александр I согласился в конечном итоге на свидание в Эрфурте без всяких условий. В Петербурге пришли к выводу, что раздел Турции не в интересах Российской империи и обсуждать его на встрече императоров нецелесообразно. В правительственных кабинетах возобладало мнение, что «...завоевание Константинополя и падение всей Оттоманской империи привело бы неизбежным образом к мировой катастрофе, окончательный исход которой никак нельзя было предвидеть. Во всяком случае, такая катастрофа отвлекла бы все военные силы России на берега Черного моря и заставила бы императора Александра оставить на произвол судьбы всю Западную Европу» [2, с. 57].

Решительным противником двусторонней встречи в Эрфурте была императрица-мать Мария Федоровна. Именно через нее придворная оппозиция тильзитскому курсу царя пыталась выразить свое недовольство и повлиять на политику правительства. Мария Федоровна трижды встречалась с императором, имела с ним продолжительные разговоры, пыталась остановить Александра I в реализации своих намерений. 25 августа (6 сентября) императрица-мать написала царствующему сыну пространное письмо, где изложила свои опасения. Она была уверена, что сотрудничество с Францией самым негативным образом отражается на ситуации в России. «Бросьте взгляд на наше внутреннее положение, мы увидим там всеобщее недовольство, смешанное с негодованием, отвращение к французам, погубленную торговлю...» Наполеон, по ее словам, вмешивается повсюду, даже в отношении России с другими странами, а целью Эрфуртской встречи является связать судьбу России с судьбой Наполеона. Мария Федоровна предвидит самые пагубные последствия этого свидания и призывает сына остановиться на краю пропасти: «Ради бога, Александр, уклонитесь от этого свидания; уважение народа утрачивается легко, но не столь же легко завоевывается обратно. Вы потеряете его через это свидание и вы потеряете вашу империю и вашу семью: остановитесь, еще есть время, послушайте голоса чести, просьб, молений вашей матери...» [2, с. 58–61].

Император не мог оставить это письмо без ответа и буквально на следующий же день, 26 августа (7 сентября), собственноручно написал его [3, с. 330]. Александр I энергично защищал свою политику после Тильзитского договора. «После несчастной борьбы, которую мы вели против Франции, последняя осталась наиболее сильною из трех еще существующих континентальных держав, и, по своему положению, по своим средствам, она мо-

жет одержать верх не только над каждой из них в отдельности, но даже над обеими, взятыми вместе.

Не является ли в интересах России быть в хороших отношениях с этим страшным колоссом, с этим врагом, поистине опасным, которого Россия может встретить на своем пути.

Нужно было убедить Францию, что ее политические интересы могут сочетаться с политическими интересами России. В таком случае она всегда предпочтет дружбу и союз с Россией вражде с нею. Между тем мир на континенте европейском может быть поддерживаем только союзом между Россией и Францией» [2, с. 62–63].

Мирные отношения с Францией, отмечал Александр, Россия должна использовать для того, чтобы «увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства, наши силы. Но мы должны работать над этим среди глубочайшей тишины, а не разглашая на площадях о наших вооружениях, наших приготовлениях и не гремя публично против того, к кому мы питаем недоверие».

Уклониться от свидания с Наполеоном невозможно, писал Александр, ибо в двусторонних отношениях есть много нерешенных вопросов, «которые Наполеон не желает покончить при помощи посредников или письменным путем».

Свою миссию Александр также видел в том, чтобы спасти Австрию от неминуемого разгрома в назревающем конфликте с Францией «и сохранить ее силы для подходящего момента» [2, с. 63].

В письме царь отвечает и критикам своего внешнеполитического курса: «Я удовольствуюсь сказать, что было бы преступно с моей стороны, если бы я приостановился осуществлением того, что считаю полезным для интересов империи, под влиянием разговоров, которые позволяют себе в обществе, без малейшего знания дела, не углубляясь в сущность обстоятельств, не желая даже узнать побудительных причин моего образа действия. ... Признаюсь, что мне тяжело видеть, что в то время, когда я имею в виду лишь интересы России, чувства, руководящие моим образом действий, могут быть так превратно понимаемы» [2, с. 64].

Александр I энергично протестовал против некоторых утверждений, имевшихся в письме матери, о том, что он очарован Наполеоном и находится в значительной мере в плену его влияния. В этом плане весьма примечательными являются строки из его письма сестре, великой княгине Екатерине Павловне, написанном перед самым отъездом в Эрфурт: «Bonaparte думает, что я больше ничего как дурак. *Смеется хорошо тот, кто смеется последним.* Я же полагаюсь вполне на бога» [2, с. 65].

Эрфуртская встреча двух императоров проходила с 15(27) сентября по 30 сентября (12 октября) 1808 г. На ней был затронут широкий круг вопросов: война с Англией, отношения с Австрией, прусские и турецкие дела.

Несмотря на подписание 30 сентября (12 октября) согласованной союзной конвенции, встреча проходила в условиях острых разногласий и столкновений по большинству вопросов. Александру удалось добиться отказа Франции от посредничества при заключении мира с Турцией, признания южных границ России, «перенесенными до Дуная». В условиях необыкновенного напряжения обсуждался австрийский вопрос. Александр I не поддержал требование Наполеона о разоружении Австрии. Россия ограничилась обязательством объявить войну Австрии, если последняя начнет ее с Францией. Но Александру I пришлось уступить в вопросе о выводе французских войск из Пруссии и герцогства Варшавского. Наполеон только согласился на 20 млн франков сократить контрибуцию с Пруссии [3, с. 361–363, 647].

В день подписания союзной декларации Александр I и Наполеон обратились к английскому королю Георгу III с предложением «безотлагательного примирения Англии с Россией и Францией, отвечая, что прекращение морской торговли является причиной бедствий всех держав Европы» [3, с. 363].

На это предложение английское правительство официально ответило нотой от 28 октября. Из ноты и сопроводительных к ней документов следовало, что Англия может пойти на переговоры только лишь при условии признания Францией испанского правительства – короля Фердинанда VII – «как участвующую сторону любых переговоров» [3, с. 377, 653].

А 16 декабря 1808 г. в издающейся в Париже газете «*Courrier d'Angleterre*» была опубликована декларация английского короля, в которой отмечалось, что «продолжение мнимых переговоров ... может быть выгодно только неприятелю». Англия окончательно отказывалась от мирных переговоров [5, с. 650].

Не был решен в Эрфурте и другой важнейший вопрос, ради которого Наполеон инициировал эту встречу, – добиться франко-русского единства в надвигающейся войне с Австрией. Александр I был убежденным сторонником того, что Австрия как великое государство необходима для сохранения политического и военного равновесия в Европе. И когда между сторонами возник конфликт, он отклонил французские предложения о предъявлении Австрии совместного ультиматума.

Наполеон открыто высказывал свое неудовлетворение результатами Эрфуртской встречи, ибо начатый в Тильзите процесс не получил своего продолжения. Что же касается Александра I, то он, напротив, имел все основания быть довольным результатами свидания, ибо практически все сделанные Россией завоевания были признаны и не было подписано по итогам встречи никаких неудобных для царя обязательств [2, с. 68].

Австро-французская война началась 9 апреля 1809 г. Александр I, выполняя тильзитские соглашения, был вынужден поддержать Францию.

22 мая (3 июня) русские войска в составе трех дивизий (32 тыс. человек) под командованием князя С. Ф. Голицына переправились на левый берег Западного Буга и вступили в Галицию. Несмотря на то, что в апреле-июне 1809 г. Александр I неоднократно обращался к Наполеону с личными письмами, в которых сообщал об отношении России к войне и заверял в своей верности франко-русскому союзу, активных боевых действий на этом участке войны не было. Наполеон был недоволен медлительностью русских войск в Галиции. А 2 июня министр иностранных дел Франции Ж. Б. де Шампаньи предупредил своего посла в Петербурге Коленкура, что Наполеон утратил доверие к союзу с Россией [6, с. 655, 665].

Пассивная позиция России в этой войне показала Наполеону несостоятельность его расчетов использовать союз с Россией исключительно в собственных целях. Александр I также уклонился от принятия предложения Наполеона прислать русских представителей в Вену в октябре 1809 г. на переговоры о мире с Австрией для того, чтобы совместными усилиями оказать на нее давление и заставить склониться к нужному Наполеону решению. Здесь следует отметить, что франко-австрийские переговоры шли трудно, Австрия не считала себя побежденной и не соглашалась принять требования Франции [6, с. 679].

В начале апреля 1809 г. в руки русского посла в Париже князя А. Б. Куракина попала записка (он ее отправил Александру I), составленная французским дипломатом графом Ж. де Монгайаром, которая была передана генералу Ж. Дюроку для Наполеона. В ней говорилось о том, что все выгоды от русско-французского союза, имелось ввиду от ситуации, сложившейся после Тильзита, достались России, которая пользуется этим для своего территориального расширения и в то же время тайно подстрекает Австрию против Франции. В записке отмечалось, что интересы сохранения французского господства в Европе требуют восстановить Польшу и лишить Россию «политического влияния по сю сторону Двины и Днепра» [6, с. 23–24, 651].

Записка свидетельствовала о том, что противоречия между Парижем и Петербургом усиливались. Оба императора подозрительно относились ко всем действиям своего партнера по союзу. Что же касается Наполеона, то он все свои просчеты в русской политике относил на счет недостаточных усилий на дипломатическом поприще французского посла в Петербурге. А. О. де Коленкур, почувствовав, что теряет доверие императора, ходатайствует о том, чтобы его отозвали в Париж. 19 мая 1811 г. Наполеон заменил его на этом посту генералом Ж. Пористоном [3, с. 682]. В русско-французских отношениях появились элементы недоверия.

Список использованных источников

1. Сборник Императорского русского исторического общества. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. 88. – 725 с.

2. *Мартенс, Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами / Ф. Мартенс. – Санкт-Петербург: Типография А. Бенке, 1905. – Т. XIV. Трактаты с Францией. – 1807–1820. – 433 с.

3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. – Москва: Политиздат, 1967. – Том четвертый. Июль 1807 г. – март 1809 г. – 782 с.

4. Николай Михайлович, Великий князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императора Александра и Наполеона. 1808–1812. В 7 т. Т. VII. – Санкт-Петербург: Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг, 1914. – XVI, 439 с.

5. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1902. – 548 с.

6. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. – Москва: Политиздат, 1967. – Т. V. Апрель 1809 г. – январь 1811 г. – 784 с.

(Дата подачи: 11.02.2025 г.)

А. М. Лукашевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. M. Lukashevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1812/1813”

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННЫХ ДОРОГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА РОССИЙСКОЙ АРМИИ
И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ
(ДЕКАБРЬ 1812 – АПРЕЛЬ 1813 Г.)**

**ORGANIZATION OF MILITARY ROADS TO SUPPORT
THE FOREIGN CAMPAIGN OF THE RUSSIAN ARMY
AND THEIR FUNCTIONING
IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES
(DECEMBER 1812 – APRIL 1813)**

Рассматриваются вопросы организации и функционирования военных дорог, предназначенных для обеспечения заграничного похода российской армии в 1813 г. Показано, что четыре военные дороги, учрежденные в западных губерниях Российской империи, находились в ведении управляющего Военным министерством князя А. И. Горчакова. В то же время две «заграничные» военные дороги первоначально поступили в ведение «главноуправляющего интендантской частью при всех армиях» В. С. Ланского, а затем – генерал-интенданта Е. Ф. Канкрин. Сделан вывод, что в связи с нехваткой денежных средств